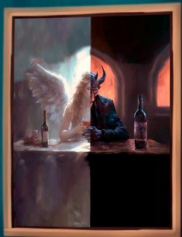

Мелкоф

БЫЧКИ
ПРОМЫСЛЕННАЯ КОММУНАЛЬНАЯ ТОВАРИЩЕСТВО

ЖИЗНЬ - ЭТО АД

ЖИЗНЬ - ЭТО АД

18+

Смеклоф

Жизнь – это ад?

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70289731

SelfPub; 2024

Аннотация

Мир, в котором мы живём, действительно такой, как мы привыкли думать? Вам никогда не казалось, что с ним что-то не так. Вокруг слишком много нелогичного, обманчивого и лицемерного, чтобы быть настоящим. За чередой бесконечных будней, проблем и рутины увидеть это довольно сложно. Но когда главный герой попадает в больницу, чтобы избавиться от своей зависимости, ему открывается правда, с которой очень сложно смириться.

Смеклоф

Жизнь – это ад?

– Меня зовут Валентин, и я, – он трагически закатил небесные глаза, – алкоголик.

– Грехи тянут нас вниз, – печальным басом согласился санитар, перекладывая его поудобнее.

В его огромных руках, похожих на экскаваторные ковши, любой бы смотрелся ребёнком, но новый пациент: тощий, маленький и синий, был прямо как мертворождённый.

Валентин сник. На него напала апатия. Она всегда караулила где-то рядом и неожиданно набрасывалась из укрытия. Правда беспечная радость тоже не отходила далеко. Они боюролись за его эмоциональное состояние, постоянно толкаясь и переругиваясь, как братья-близнецы.

Его внесли в палату и сгрузили на скрипучую сетку дореволюционной койки. Длинная штанга с препаратами и клубками перепутанных трубок угрожающе надвинулась. Иссущенный организм Валентина воспрял, но измученная душа сразу раскисла. Во время капельницы ему всегда хотелось в туалет, но поведать окружающим об этом конфузе, он не находил в себе сил и беззвучно страдал до последней капли раствора. Окружающие пока скрывались в сером, безголовом, зыбком тумане, в котором все лица кажутся одинаково бессмысленными и чужими.

Гигантский санитар исчез в длинном коридоре, но его тень ещё какое-то время падала с лестницы на пол и постепенно таяла, как упавшее на горячий асфальт мороженое. Через открытую дверь палаты видно многое. Об этом забывают даже лучшие медики, за что в итоге и расплачиваются. Валентин знал, как коварны и хитры бывают его братья по несчастью и не раз предупреждал персонал об их хитроумных заговорах и ловушках. Поэтому он и любил койку с краю. Оттуда было видно половину старой больницы, даже её потаённые закутки. Надо было только уметь смотреть.

Крадётся к выходу, вжав голову в плечи, пожилой фельдшер. Карманы его халата оттопыриваются и в них феерически звенит благословенная жижа. Курносая медсестра оккупировала служебный телефон, с воодушевлением рассказывая подруге о последнем ухажёре. Она ещё не знала, что завотделением всё это время безуспешно пытался прозвониться в отделение и медленно покрывался красными пятнами и отчаянием. Анестезиолог раскачивал сухой ногой, попыхиывая беломором в приоткрытую форточку. Он едва помещался на подоконнике. Пола его длинного, не по размеру, халата свисала к батарее и то и дело окуналась в банку с бычками, набираясь их упругого аромата и бархатистого пепельного оттенка.

Валентин знал всё!

С каждым новым днём его глаза всё больше открывались, а зрение становилось таким ясным, что даже становилось

страшно. Поэтому он подтягивал простынь к подбородку и шурился, заворачиваясь в кокон. Медсестра могла долго раскалять телефонную трубку, поэтому у него ещё было время собраться с мыслями до капельницы. Потом неутолимое желание оправиться, смоев все посторонние раздумья за ненадобностью. Но стоило ему прикрыть глаза, как коридор содрогнулся от грохота уверенных шагов.

– Тут у нас значит зависимые... – увещевал заведомо делением.

– Вижу! – вторил ему незнакомый надменный голос.

– Да, что на них смотреть. Несчастливые люди, пойдёте лучше в травму. Там каждый день что-то интересное. А нам ещё новый рентген поставили...

– Погодите!

Валентин подобрался. Это была его пятая проверка. После них никогда ничего не менялось, но накрученный начальством медперсонал начинал невольно зверствовать. Не со злости, а из-за малодушия. Человеческое нутро слишком мягкое и нежное, чтобы без последствий преодолевать тяжкие жизненные обстоятельства. Оно, как губка впитывает всякую заразу, а потом исторгает её на окружающих. Здесь, в наркологичке, это было особенно видно. Ведь как говорил русский философ Владимир Сергеевич Соловьёв: «Вино – прекрасный реактив: в нём обнаруживается весь человек: кто скот, тот в вине станет совершенной скотиной, а кто человек – тот в вине станет ангелом».

– Тут что?

– Палата...

– Сам вижу!

Дверной проём перегородило расплывчатое тёмное пятно. Свет ударял во тьму, но почему-то никак не мог её проредить. Наоборот, отскакивал от неё, извивался, корчился и спешил убраться прочь.

Валентин даже привстал и сильнее подался вперёд. По верхней перекладине дверной коробки что-то чиркнуло. Полетели искры. В нос ударил странный запах, будто кто-то забыл выбросить подпорченные яйца. По полу что-то натужно цокнуло, и в палату вошёл чёрт в белом халате.

– Сам вижу! – повторил он, раздувая ноздри и без того широкого носа, и уставился абсолютно чёрными глазами на дореволюционную койку.

Валентин отпрянул и протяжно икнул.

– Это ещё что? – прищурился чёрт.

Его суетливые руки перестали тискать блокнот и опустили его в карман белого халата.

Завотделением пригляделся. Даже поправил на носу очки, будто это могло помочь разглядеть что-то особенное.

– Пациент в острой форме...

– Сам вижу! – разозлился чёрт. – Почему он так на меня смотрит? Ты, что-то видишь, пациент в острой форме?

Валентин с трудом сглотнул металлический привкус и облизал внутреннюю сторону верхних зубов. Он много раз

слышал про подобные ситуации. Бывалые товарищи рассказывали, что рано или поздно просветление случается со всеми. Главное не отступать с намеченного пути и, не взирая ни на что, идти к священной цели. Увидеть мир в его истинном виде одновременно страшно и прекрасно. Его первозданная свирепая сила должна пугать, а от неприкрытой нагой красоты захватывать дух. Только вонючий хвост, раскачивающий халат и стучащий по полу, к красоте не имел никакого отношения. Как и длинные рога оставившие опалины вверху дверной коробки, и острые копыта чертящие грязные полосы на выцветшем линолеуме.

– Тээкс, – глубокомысленно протянул чёрт и, нагнувшись, попытался оттянуть Валентину веко, чтобы поглубже заглянуть в глаз.

Но пациент в острой форме так поспешно пополз назад от длинных когтей, что стукнулся затылком в спинку кровати.

– Увидел, значит, – поморщился проверяющий, – вот всегда тут так. Поэтому к вам и отправляют только в самом крайнем случае, – он обиженно зыркнул на заведованием и воздел палец к потолку. – Этого срочно на процедуру по новой государственной программе помощи сильно пьющим, но ещё не потерявшим человеческий облик. ПСНОЕНПЧО!

– Чё?

– ПСНОЕНПЧО! – сурово повторил чёрт.

Заведованием попытался улыбнуться, чтобы разрядить обстановку, но не смог. Губы дрожали и совершенно ему не

повиновались.

– У вас ВИП-палата есть?

– Да, да, конечно...

– Вот туда его и перевидите... на процедуру, а я подойду, лично всё проверю. Программу курируют на самом высоком уровне. Стране нужны трезвые, работающие и покорные, то есть здоровые, граждане. Поэтому мы должны приложить все усилия, чтобы излечить их от алкогольных прозрений и вернуть в добропорядочное, тихое и спокойное дожитие.

– Да, да, конечно, – пролепетал заотделением.

Он уже двадцать лет тихо, спокойно и покорно не возражал проверяющим, поэтому и оставался на своём месте.

– Вот и чудненько, – чёрт подошёл к окну и с ненавистью взглянул на солнце.

В это время, как по волшебству, появился огромный санитар.

– В ВИП-палату, – прошептал заотделением.

– А что тут у нас с остальными, – уже из коридора услышал Валентин.

Его снова несли на руках. Мимо побледневшей, вытянувшейся по струнке на своём посту, медсестры. Тихого и незаметного анестезиолога и прямо-таки пепельного, опустившего глаза в пол и готового к любому наказанию фельдшера.

– В холодный белый день дорогой одинокой,

Как прежде, я иду к неведомой стране.

Рассеялся туман, и ясно видит око,

Как труден путь и как ещё далёко мне, – вдохновенно прочитал санитар.

– Тоже уважаю его стихи, – прикрыв глаза, согласился Валентин.

В этих огромных крепких руках, он чувствовал небесное умиротворение и благодать. Все тревоги разбредались и оставалось только незамутнённое душевное спокойствие. А в огромной светлой комнате, с удобной кроватью, занавесками, телевизором и собственным санузлом, оно только окрепло и даже немного засияло, тем особенным счастливым блеском, который можно увидеть в глазах детей и пьющих философов.

Его нежно положили на матрас и приткнули одеялом, чтобы случайно не слетел на пол. Но долго пребывать в небесной эйфории, Валентину не дали. Проклятый искуситель и поборник самого злого духа вернулся с подносом. Тихо прикрыл за собой дверь и мягко сел на край кровати. Бутылка пива звякнула об запотевшую бутылку водки и отозвалась звонким эхом в стакане. А от смеси запахов свежего огурца, сала, чеснока и бородинского хлеба зачесалось в носу.

– Мне же сейчас нельзя, – с трудом ворочая отяжелевшим языком, попытался защищаться Валентин.

– ПСНОЕНПЧО! – уверенно заявил чёрт. – Не табу, а объективно-культурные нормы потребления. Ты дружочек, уже до чертей допился. Думаешь сможешь отказаться от необыкновенной привычки беседовать с нами? Да, знаешь какие

среди нас попадают собеседники?

Валентин чистосердечно закачал головой.

– Лучшие, – без лишней скромности ответил проверяющий. – Мы с тобой. Мы тебе поможем. Мы ведь тут давно и всегда за вами приглядывали. Вообще, чтобы не путаться с формулировками. Правильнее говорить, не мы тут давно, а вы тут давно. Мы то тут всегда были.

– Как это?

Чёрт обнажил клыки, пытаясь изобразить обворожительную улыбку соблазнителя. Налил водки в стакан и открыл пиво, поддев крышку рогом. Подсунул поднос поближе к пациенту в острой форме и только после этого продолжил.

– Только не пугайся, братец, но это ад.

Валентин даже не удивился. Он давно подозревал что-то подобное. Ничем другим объяснить всемирную несправедливость и насилие глупости и невежества над логикой и добротой – было просто невозможно.

– Вот-вот, – довольно закивал чёрт. – Поэтому, ты всё и развидел. Ты почти выполнил главное предназначение души в аду, – он нарочно потянул паузу, ожидая вопроса, но так и не дождался. – Ну, раскаяние же!

– Каются, те кто грешен. Бизнесмены храмы строят, чиновники иконы целуют, депутаты с попами дружат...

– Да это все наши – они не каются. У них работа такая. Ваших мучить.

– Это многое объясняет, – кивнул Валентин.

Его глаза так и тянулись к бутылке. Дух пива и закуски сводил с ума, но он держался. Был в этом дьявольском миролюбии и взаимопомощи какой-то подвох.

– Не попробуешь? – проследив его взгляд, уточнил чёрт.

– Мне сегодня и так хорошо. Просветление штука пугливая, обидишь недоверием – покинет и не вернётся...

– Да как ты узнал то? – подскочил проверяющий.

Содержимое подноса должно было разлететься в стороны, но зелёный змий, высунувшийся из-под доньшка бутылки, только сильнее вцепился когтями в выкрашенный под металл пластик и недовольно зашипел.

– Это же как лекарство, – дёрнув за ворот белого халата, воскликнул чёрт. – Оно только память ненужную подчистит и зрение подкорректирует.

– А зачем мне это?

– Ты хочешь продолжать нас видеть? – ужаснулся проверяющий. – Мы же везде!

– Я бы хотел вас вообще всем показать...

– Ну уж нет! – чёрт вскочил и зашвырнул поднос в угол.

Бутылки ударились об стену, но даже не треснули, а только окутались зелёным дымом. По стене вниз, оглядываясь, сползла недовольная ящерка.

– Ты что, враг человечества?

– Вообще-то вы...

– Не болтай ерунду! Мы тут для вашей пользы. Представляешь, что начнётся, если все увидят правду? Секретность

– залог спокойствия обычных граждан. Большинство не хочет знать, как всё на самом деле. Большинство хочет дорого одеваться, пить, есть и ничего не делать. Где тут в этой схеме мы?

Проверяющий обвиняюще уставил свой когтистый палец на пациента в острой форме.

– Вас тут вообще не должно быть, – согласился Валентин.

– Дожились, из собственного дома выгоняют.

– Тогда нас.

– Вот ты интересенький, – скривился чёрт. – А куда вам податься? Свой-то мир вы разрушили, вот и гостите, там, куда пускают. Ещё, видите ли, недовольны – обслуживают плохо и заставляют свои правила выполнять.

– А откуда мне знать, что это правда? Может быть, вы наш мир захватили и головы нам дурите?

– Ну, знаешь ли! – надулся проверяющий. – Я вызываю спецназ!

– Ваш спецваш или наш спецнаш?

Чёрт достал мобильник, оскорблённо задрал подбородок и отвернулся, набирая чей-то номер и угрожающе посвистывая.

– Не свисти, удачи не будет, – прошептал Валентин, слезая с кровати.

Подобрал бутылку и, подкравшись, обрушил на рогатую голову. Проверяющий крякнул и осел. А пациент в острой форме, заботливо прикрыл его белым халатом и высунулся в

коридор. Медперсонала видно не было. Видно все попали на ковёр к заведующим, чтобы выслушать грубые замечания о своём неподобающем разложении. Поэтому он спокойно вернулся в общую палату и с тревогой оглядел коллектив. Они уже не были тем серым, безголосым и зыбким пятном.

– Коллеги! Друзья! Единомышленники! – слабый голос Валентина неожиданно окреп и позволил окончательно воспрянуть духом. – Нас обманывают, но мы должны открыть всем глаза и показать правду. Жизнь – это ад!

– Мы в курсах, – прокричал Михалыч.

Он бывал в палате чаще, чем дома. А его заросшее лицо напоминало то ли волхва, то ли пророка, то ли просветлённого.

– Не поддайся значит на уговоры, не стал их змия заговорённого облизывать? – усмехнулся ещё один завсегдатай Кузьмич. – В эту ловушку многие попадались. Вон Макарка, всего лишь пригубил, и на тебе. Вообще никого не узнаёт.

От батареи недовольно зарычал и гавкнул интеллигентного вида мужчина в очках и полосатой больничной пижаме.

Валентин сглотнул.

– Вы их тоже видите?

– Да все видят, – философски протянул Михалыч. – Не все решаются в этом признаться.

– И что же делать?

Из-под наваленных бесформенных тряпок на койке у окна, высунулась почти лысая голова с торчащими во все сто-

роны клоками рыжих волос.

– Знамо чё, – прошамкал беззубый рот. – Сосчитать их надо, бесов проклятых. Как только тринадцать подряд сочтёшь – морок и рассеется.

– То, что чертей считать надо все знают, – согласился Кузьмич, продолжая ухмыляться со своего места. – Вот только не все могут, – его мутные глаза блеснули в подтверждение аксиомы. – Хитрые они бестии, в таких количествах не собираются.

Валентин переступил с ноги на ногу.

– Ко мне сейчас спецназ приедет?

Клоки рыжих волос затряслись и спрятались, из-под тряпок раздалось сдавленное:

– Не так страшен спецвас, как специх.

– Раз приедут, так считай. Они ведь не знают, что ты знаешь. Напором полезут. А ты их раз, два, три, четыре. Вот пусть и побегают, – Михалыч глубокомысленно почесал пятку и повернулся на бок. – А мы, если что, морально поддержим. Будем кулаки за тебя держать. Правда, коллеги?

Остальные согласно зашумели.

– Простите, – совсем стушевался Валентин. – как надо правильно считать?

В палате стало так тихо, что было слышно, как в стенах в кабелях трещит ток.

– Ты точно из наших? – перестал ухмыляться Кузьмич.

Он поднялся с койки и заправил майку в протёртые тре-

нировочные штаны.

– Может ты подставной? Ихний?

Валентин попятился.

– Я слышал, как надо, но не думал, что это может быть оружием массового поражения, – промямлил он. – Это же так просто: раз, два, три...

– Просто? – Михалыч поднял руку, успокаивая набычившегося Кузьмича. – Ты пробовал в садике подсчитать козьявок из своей группы? Они стояли на месте и ждали, когда ты это сделаешь? А может быть бегали вокруг? Прятались, залезали под столы?

Больше не улыбался никто. Сколько Валентин не оглядывался, не увидел даже намёка на усмешку.

– Это непросто, – наконец согласился он.

– Так почему же ты говоришь, что просто?

– А черти будут бегать и прятаться?

Михалыч откинулся на спинку кровати.

– Намного хуже! Они же черти! От них вообще всё что угодно ожидать можно, – он удобно устроил волосатую ладонь на животе и начал загибать и без того кривые пальцы. – Врут, глумятся, путают и сводят с ума. От них портится настроение и начинаются... – он замешкался из-за того, что закончились пальцы на руке. – Колики, в общем, желудочные.

Дверь за спиной с шумом распахнулась, с грохотом стукнув в стену, и Валентин невольно вжал голову в плечи.

– Всё! Ты допрыгался! – заорал проверяющий. – Нападе-

ние на должностное лицо при исполнении...

Пациент в острой форме оглянулся и, зажмурившись, громко крикнул:

– Раз чёрт!

И чёрт застыл с открытым ртом. В глазах разгорался дьявольский огонь, но ни сойти с места, ни даже пошевелить длинным мохнатым ухом, он не мог.

– Как только пройдёт тринадцать секунд, он отомрёт, – равнодушно протянул Михалыч, и все напряжённо затихли, считая про себя.

– Совсем охре...

– Раз чёрт! – упрямо повторил Валентин.

Кузьмич довольно заржал.

– Так его! Поставим, как подставку для капельницы.

Остальные тоже начали подхихикивать, а когда отмерший проверяющий завизжал тонким голоском, заржали со всей силы.

– Раз чёрт! – гнул своё Валентин.

– Может тёмную ему, – сжимая простынь, предложил Кузьмич.

– Не стоит, – осадил его Михалыч. – Может хуже выйти.

– Спецназ уже поднимается... – хрюкнул проверяющий.

– Раз чёрт!

Интеллигентного вида мужчина в очках и полосатой больничной пижаме упоённо скакал у батареи и самозабвенно лалял на чёрта.

– Может ещё и вспомнит, – глядя на него, задумчиво произнёс Михалыч. – Всякое бывает...

– Да, знаешь, что мы с тобой теперь сделаем? – пискнул проверяющий.

– Ничего не сделаете!

От зычного голоса вздрогнули все. За спиной чёрта показалась солидная фигура молодого священнослужителя в рясе с кадилом и прочими необходимыми атрибутами.

– По договору содержания заключённых, вам запрещено наносить людям физический вред и любые прямые повреждения психического здоровья. Посторонитесь!

Проверяющий нахмурился, но всё же отступил в сторону, пропуская попа.

– Вы, как всегда, некстати, – шмыгнув носом, обиженно проблеял он.

– Это моя работа, следить за тем, чтобы вы делали всё в точности по договору.

– А ему значит издеваться можно?

– Считать вас не запрещено!

Чёрт плюнул на пол и гордо вышел в коридор, напоследок бросив на Валентина уничижительный взгляд.

– Какими судьбами, ваше высокопреосвященство? – с поклоном осведомился Кузьмич.

– Пришлось вмешаться из-за спецназа, – пожал плечами молодой священнослужитель и огладил бороду. – А то потом все эти бюрократические процедуры на сто лет растянутся,

они языками мастера болтать. Да и наши, тоже. Вы простите, но мне наедине надобно поговорить. Идём, сын...

Остальные слова заглушил хруст и звон. Выдавленные снаружи окна, надулись потрескавшимися пузырями, но разлететься так и не посмели. Даже несмотря на упрямые удары армейских ботинок. Повешенный на длинных чёрных тросах спецназ, неуверенно переглядывался, пока не заметил нахмурившегося попа. Тот уже почти опустил руку, но огненный след в виде креста, ещё тянулся за его пальцами, после крестного знамения.

Он махнул рукой, и Валентину не оставалось ничего другого, как идти следом. Сначала по коридору, а потом на лестницу пожарного выхода.

– Вот тут самое оно, – сам себе кивнул поп. – Положение у нас непростое.

– Почему?

Пациент в острой форме, старался не поднимать глаз. Чувствовал он себя неловко, будто разбудил группу детского сада во время тихого часа или сорвал урок биологии про тычинки с пестиками.

– Они тебя теперь в покое не оставят, даже если память сотрут, будут дальше пакостить. Такая натура. Придётся каждый раз всё это протоколировать, акты составлять, в общем страшная мутовень. Поэтому, ты покайся, мил человек, скажи, что прощения просишь и убежище у святого престола, мы тебя тогда и пристроим в дальнюю обитель. Там они тебя

точно не достанут.

Священнослужитель располагающе улыбнулся и несколько раз мотнул головой, призывая к скорейшему раскаянию.

– Вербуете? – не поднимая глаз, спросил Валентин.

– Вот дурья башка, – вздохнул поп. – Кому ты нужен, вербовать тебя, падшее дитя? От проблем всех нас хочу избавиться.

– Проблем бояться, с утра не похмеляться, – пробормотал себе под нос заводскую поговорку Валентин.

– Вот видишь, бесы в тебе, итак, крепко окопались. Всю твою грешную жизнь тебя изводят, соблазняют и не дают осознать свои ошибки и измениться. А ведь за этим род людской сюда и отправлен.

– Проверяющий говорил, что мы свой мир...

– Тьфу на него, – всплеснул руками молодой священнослужитель. – Нашёл кого слушать. Это же отродье лжи, чтобы у него язык отсох. Нас сюда на перевоспитание сослали, чтобы осознали и раскаялись.

– Мы что в тюрьме?

– Конечно, нет! В очень большом исправительном заведении.

С нижнего пролёта раздался печальный вздох. Валентин перегнулся через перила. На лестничной площадке перед окном санитар пускал кольца дыма, закатив глаза к потолку.

– Не вмешивайся, – прикрикнул на него поп и добавил шёпотом. – Ты, сын мой, этим тоже особо не доверяй. Они в

делах человеческих не особо-то и разбираются. Просто знай, что идеальный мир есть и нас из него вытурили за греховное непослушание. А эти и те, – он махнул рукой за спину. – Наставляют и сбивают нас с пути истинного. Таков договор со всевышним. В этом наше бремя и освобождение. И времени на всё про всё, не так уж много. Так что не тяни резину: кайся, проси убежища и отправляйся в дальний монастырь на вечный постой.

– А можно подумать? – всё ещё поглядывая на нижний пролёт, попросил Валентин.

Молодой священнослужитель оттянул длинный рукав и взглянул на наручные часы с камнями.

– Только недолго. Я пока улажу с этими, – он сложил козу из пальцев и вышел в коридор.

Снизу долетали ровные пушистые кольца дыма и сладкий, совершенно не табачный аромат. Пахло сдобой, свежим имбирным пряником и подогретым молоком. А ещё что-то мелодично звенело, разбрызгиваясь эхом по всей лестнице.

Валентин спустился, с интересом разглядывая санитаря, но в громадном облике ничего не изменилось. Поэтому пришлось спросить:

– Разве ангелы курят?

– Нет, конечно, но я же притворяюсь человеком. Даже спирт пить приходится для маскировки, – его бас почти не гремел, приглушенный терпеливой заботой и сочувствием.

– Вы же тут, чтобы помогать?

– Наставлять.

– Так наставьте меня? Что делать? Ни в бес...памятство, ни на самоизоляцию никак нельзя. Если все будут языками мести, да визуализировать, кто детали точить будет? А без деталей, сами понимаете, разруха в головах, и в клозете смыть нечем.

– Есть путь короче, – выдувая новые кольца, согласился санитар. – Поборник договора верно сказал, что люди тут на перевоспитании, но можно получить условно-досрочное освобождение. Для этого всего лишь осознай свои прегрешения...

Валентин со вздохом щёлкнул пальцами по шее, но ангел терпеливо покачал головой.

– Не нынешние, а прошлые. Те, за что тебя сюда отправили. Как только ты поймёшь и чистосердечно расскаешься, сразу уснёшь и проснёшься уже в истинном мире из которого был изгнан.

Пациент в острой форме сглотнул и незаметно отодвинулся подальше от подоконника. Санитар только пожал плечами и покачал головой, так что пепел разлетелся сверкающей россыпью алмазной пыли и растворился в воздухе.

– Я пойду, мне ещё с коллегами надо посоветоваться, – не отрывая глаз от потёртых ступеней с зелёной окантовкой, пробормотал Валентин и начал подниматься вверх по лестнице.

– Грехи тянут вниз, не отряхнув их с души своей, не воз-

несёшься, не воспаришь... – долетело до него из-за спины.

Слова заставили обернуться, но у окна витали только дымные кольца, а на стене, сама по себе, забытая, распласталась длинная крылатая тень.

Валентин вздохнул и совсем скис.

– Мало того, что богатые учат хорошо жить, худые быстро худеть, а блатные добиваться успеха. Теперь ещё черти учат как врать, а ангелы как воспарять.

Он зацепился за ступеньку и чуть не упал. Стукнулся плечом в стену и так и застыл. В самом низу, в углу кто-то начергал:

«Выбор есть!

Выбор пить!

Выбор просто з@ебись...».

Дальше было старательно стёрто, поэтому пришлось действительно вернуться в палату.

Подметая взглядом пол коридора, он еле добрёл до места назначения и замер в дверях, ещё сильнее придавленный настороженным любопытством четырёх пар глаз. Следы армейских ботинок на окнах остались, но трещины волшебным образом исчезли, как и те, кто их не так давно оставил.

– Нуууууу? – промычал Михалыч.

– Я запутался...

– От коллектива отрываться нельзя, – неожиданно встрял интеллигентного вида мужчина в полосатой больничной пижаме, внимательно посмотрел из-под очков, а потом по-со-

бачьи задрал ногу на батарею.

– В чём-то Макарка прав, – задумчиво согласился Кузьмич. – Все эти только обещают, а когда у тебя настоящие проблемы, ты к кому идёшь? К нам! Мы слушаем, посоветуем и поддержим, – он сунул руку под койку и вынул помятый металлический термос. – Давай по маленькой. Тут по-другому не разберёшься.

Валентин испуганно замотал головой и отступил в коридор. Зажмурился изо всех сил, чтобы больница, или съёмный мир, или тюрьма, или что-то ещё, хотя бы на некоторое время исчезло. Давление на несколько мгновений стихло и ему даже показалось, что он стоит перед длинным столом, за которым сидят: проверяющий, санитар, священнослужитель и алкоголик-рецидивист. Все делают вид, что ждут его решения, но при этом подают незаметные знаки. Чёрт угрожает, но намекает на забвение и неведение. Ангел обещает прекрасный идеальный мир. Поп умиротворение и покой, а Михалыч стабильность и понимание. За их спинами в трёх высоких окнах расстилается благословенная долина, зелёные леса и синие шапки гор. Над ними ясное вечернее небо. И хотя нет ни одной тучи, солнце почему-то не разливает свою бесконечную благодать, а застенчиво прячется. Только один бледный лучик подслеповато шарит по полу, пока не добредает до ноги пациента. Цепляется за штанину, взбирается по ней, потом по рукаву, перелазит на плечо, запрыгивает и, урча, устраивается на лбу. Становится очень тепло и уютно, как

уже давно не было. Наверное, с самого детства, когда мама прижимала его голову к своему переднику, гладила и шептала, что он обязательно будет счастлив.

Валентин помахал им всем рукой, выпрямился и повернулся. Вслед кричали, но он не останавливался. Вприпрыжку сбежал по ступеням и беспрепятственно вышел через проходную. На улице шёл мелкий дождь. Что-то тёмное промелькнуло над асфальтом, путаясь в ногах и пытаясь сделать подножку, но он уверенно переступил через померкнувшее копыто. Над головой раскрылся белый зонт. Защищая его от тёплых капель, но он с улыбкой отстранился. Не остановился у просящего милостыню, сулящего разнообразные блага и искупления и не обратил внимания на хмурюю очередь в пивной ларёк.

– Это ещё что за пилигрим? – спросил заведующим, кутаясь в куртку у больничного подъезда.

– Белая горячка, наверное, – пожал плечами анестезиолог, продолжая мусолить свой беломор.

– Тогда это не по нашей части, пусть с ним психические разбираются. В наше время с таким лицом всё равно далеко не уйдёт, сразу же видно, что ненормальный.

Привет! Это автор рассказа Роман Сmekлоф! Я размещаю рассказы бесплатно и прошу мне помочь. Понравился рассказ – подпишись на меня на Литрес <https://www.litres.ru/author/smeklof/> Поставь лайк, напиши комментарий, что

именно тебя тронуло в моей истории.

Сейчас очень сложно не затеряться в огромном количестве книг, поэтому твоя помощь очень ценна для меня и позволит мне развиваться, повышать популярность и писать новые рассказы и романы.